

ПОСЛЕ ВЕРНИСАЖА

«ЦВЕТНОЙ ДОЖДЬ» МИХАИЛА ЛЕННА

В салон на Newbury Street художник Михаил ЛЕНН влетел тогда, когда присутствующие на открытии его же собственной выставки уже не надеялись его увидеть. Он был одет в оливкового цвета костюм, изыскан, ладок, весел. Тут же его обступили почитатели таланта, зашептали фотоаппараты, засверкала вспышки. Его поздравляли, подвозили к картам, спрашивали о чем-то, восхищались. Мастерство грациозно лавировал между посетителями вернисажа, шедро даял внимание каждому, кто нетерпеливо ждал общения с ним.

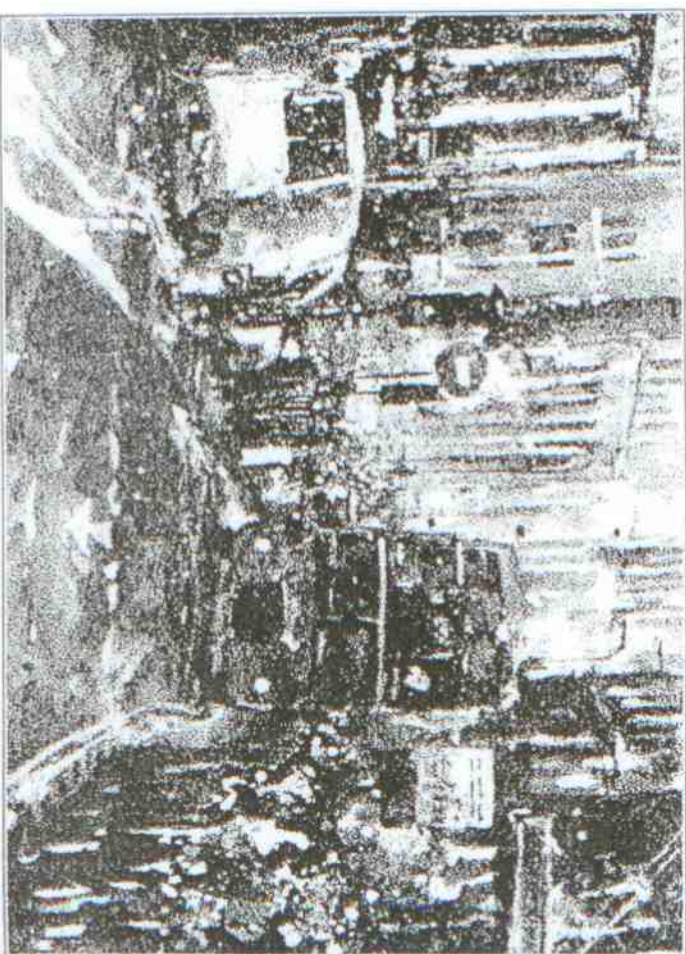
Со стен на бурлящую толпу смотрели лучистые, красочные, радостные акварели, и всякому, кто был внутри этого праздника, мир казался цветным, светлым и жизнеутверждающим.

Так бывает иногда, когда слушаешь Мюцарта. Не «Реквием», конечно. Радостное волнение и вера в непреходящее счастье.

— Вообще-то я художник-иллюстратор. Все мои акварели — это радостный отдых, работа для удовольствия, работа с улыбкой, — говорит Михаил Ленн, подписывающий, кста, все свои работы размашисто и озорно — «Misha», а не, скажем, «Michael».

Но несмотря на непонятную американцам подлость, они жалуют его творения и потому покупают. Что подлаешь, любя повесить в своем доме или офисе обрамленные празднич. Поэтому очень быстро рядом со многими экспонатами этой выставки появились таблички «продано».

Сюжеты обычные: городские зарисовки — Бостон и Париж, Венеция и Лондон, Санкт-

Петербург, стремительные пошадли (созданные одним движением. Один линией), подражания театральным танцам Баксту, апрельские дожди и музыкант над плывущими джонками — у Ленна все феерично. Все написано как бы без труда — легко и весело. «Цветной дождь» назвал выставку автор.

А вдалеке от радужных глаз и брызгающей души круговерти висела совсем другая картина. Никто не останавливался перед ней надолго, и не кинул никто.

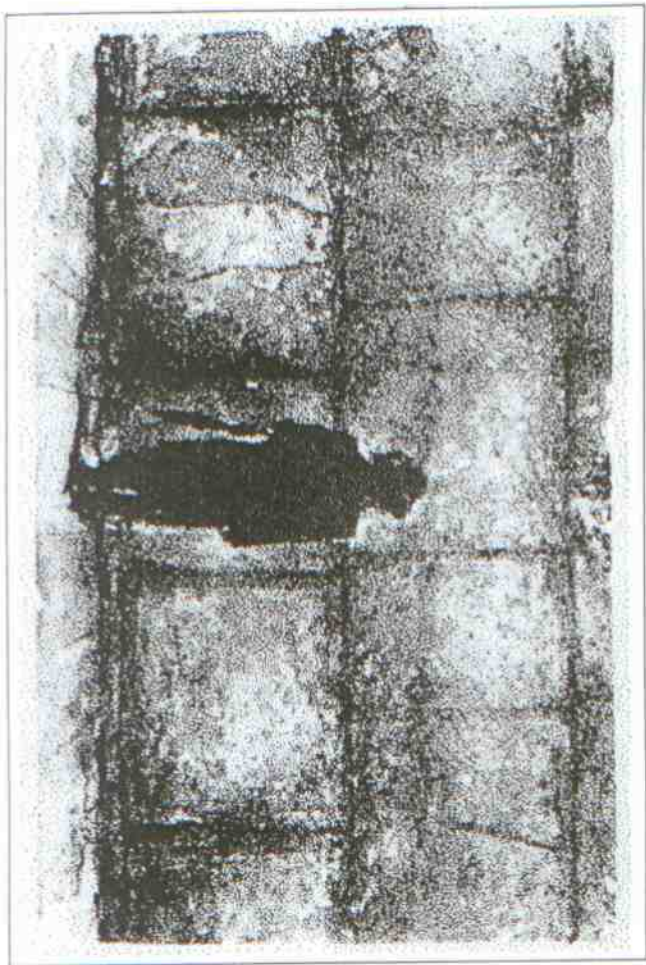
Она называлась «Иерусалим». Фиг ура мужичины в шляпе на фоне желтого серого стены.

Мужчина — маленький — повернут к нам спиной. Стена — огромная, во все полотно.

Сложенная из огромных камней. Здакии Акакии Акакиевич в иудейской шляпе — перед прошлым, настоящим и будущим. Маленький человечек — перед всей древней мудростью и печалью. Можно ли за короткую жизнь познать все это? Нет. Потому — скорбь, потому — плач... А в уголке подпись — «Misha». Он же, значит — Михаил Ленн, изыскан, веселый, в оливкового цвета костюме. Что же такое этот «Иерусалим»? Начало собственного «Реквиема»? Может быть. Ведь то, что полетело, уже сыграно, и — благостно.

Ирина СИМАКОВСКАЯ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ВЫСТАВКА

ОБЪЕЛШУ АНЖИМЛЕ

РАССКАЗ

К выставке художника Михаила ЛЕННА в галерее на Ньюберри Стрит

1991 год. Лето. Мы стоим в трафике в середине Манхэттена. Стоим уже давно, и неизвестно, когда тронемся. Жара около 100 градусов по Фаренгейту, в машине душно, настроение соответствующее.

— Мы так всю жизнь будем ехать, — в сердцах замечает я.

— Я не могу, — отвечает Мишка. — Мне через три года становиться знаменитым.

— Ну, через три года и выйдешь...

Этот разговор мне почему-то вспомнился сегодня, когда, собирая почту, я наткнулся на приглашение посетить персональную выставку Михаила Лена, того самого Мишки, который обещал стать знаменитым через три года.

Действительно, прошло три года, и приглашение на выставку лежит передо мной.

На приглашении стоит адрес: Ньюберри, 16. Я знаю это место. Небольшой салон, в котором периодически устраиваются персональные выставки. В конверт вложен список картин. На случай, если я захочу купить что-нибудь. Я бегло просмотрел список. Около тридцати картин. Акварель, графика. В основном городские пейзажи. Многие работы мне знакомы, как, например, серия, посвященная еврейским музыкантам. Маленькие смешные человечки, как будто сошедшие со страниц Шолом-Алейхема. Некоторые работы новые, неизвестные мне.

Вспоминается другая выставка — в Ленингра-

де, во «Дворце молодежи», пожалуй, его первая выставка. Это была выставка молодых художников. Девятка два выпускника Мухоминского училища представили свои работы. Среди них было несколько его картин. Кстати, тогда пейзажи — только Ленинград. Когда же это было? Почти восемь лет назад. Да, Мухоминское училище он закончил в 1984 году, а выставка была через пару лет.

После этого пошли заказы, приглашения. Главной художник конкурса «Ленинградская красавица», оформление джазового фестиваля, конкурсы балльных танцев, эмблемы, фирменные знаки. Пришел успех, интервью на телевидении, статьи в газетах. Приняли в Союз художников. Это произошло около двух лет. Затем, с какого-то времени, заказчики стали получать ответ, что Миша больше не может принять заказ — он уехал. Сначала было — просто уехал, без упоминания куда. Затем более конкретно: уехал в Америку. «Когда будет обратно — неизвестно. Может быть, никогда».

В Америке пришлось начинать все сначала. Вышла известность здесь никого не интересовала. Можешь доказать, что ты из себя что-то представляешь — пробейся. Нет — извини.

Началась потона за заказами. Оформление обложек журналов, плакат какой-то азиатской выставки, картины в «Нью Йорк Таймс», иллюстрации к нескольким детским книжкам. И наконец — выставка.

Летко могу себе представить открытые выставки. Довольно мало народу, смешение русской и английской речи. Никто не ходит сам по себе. Люди собираются в группы по 2-3 человека, обсуждают, обмениваются впечатлениями. Некоторые знают автора давно, другие — только что познакомились с его творчеством. Тут же закладываются сделки на покупку картин. Обычно большая часть картин продается в первый день, после этого — случайные покупки. Сам автор ходит от группы к группе — здороваются, благодарят, принимает поздравления. Сегодня его день.

Он обидит гостей, подойдет ко мне и спросит: «Ну как?». И я отвечу: «Мишка, пора выходить». Он поймет.

Бостон

Борис ДОЗОРЦЕВ

